

УДК 940.1 (42)

Г.В. БАКУС¹

¹ *Негосударственная образовательная автономная некоммерческая организация Научно-исследовательский центр социально-трудовых и гуманитарных проблем «Тверьком» (АНО НИЦП «Тверьком», Тверь, Российская Федерация)*

МУЖДУ МАГИЕЙ И МИСТИФИКАЦИЕЙ: ПЛОТСКИЕ СВЯЗИ В НАРРАТИВАХ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКОГО ТРАКТАТА И ПРОЗАИЧЕСКОГО ШВАНКА

Аннотация. Доклад посвящен репрезентации темы плотской любви в нарративах демонологического трактата «Молот ведьм» и различных прозаических шванках. В обоих случаях тема плотской связи оказывается связанной с магией и таинственными обстоятельствами. Помимо этого, оба источника демонстрируют сходную форму подачи историй, близкую фольклорным произведениям.

Ключевые слова:

шванк, демонология, «Молот ведьм», нарратив, плотские любовь

G.V. BAKUS¹

¹ *ANO NICP 'Tvercom', Tver, Russian Federation*

BETWEEN MAGIC AND MYSTIFICATION: CARNAL ACTS IN NARRATIVE OF DEMONOLOGICAL TREATISE AND PROSAIC SCHWANK

Abstract. The main topic of this paper is representation of carnal love in the narratives of demonological treatise *Malleus Maleficarum* and *Schwänkbücher*, which credited it with magic and some kind of misterious circumstances. Both sources describes carnal acts in the way of short stories with strong patterns similar to folklore.

Keywords: schwank, demonology, *Malleus Maleficarum*, narrative, carnal love

В современном корпусе *witchcraft studies* под нарративом, как правило, понимаются показания, зафиксированные письменно в ходе судебной процедуры. Этот подход допускает два основных алгоритма исследования, один из которых можно условно охарактеризовать как микроисторический, предполагающий углубленное изучение обстоятельств каждого конкретного дела, опосредованного дошедшим до нас корпусом текстов, второй (не менее условно) как культурологический, допускающий построение формализованных моделей, обобщающих множественность и вариативность данного типа источников. Как пример первого подхода уместно привести исследование Э. Роулэнда, чей метод заключается в «тщательном вычитывании документов, относящихся к делам о ведовстве» (case documents), цель которого – выявление смысловых нюансов, способов, благодаря которым эти истории обрели свою форму и были рассказаны, а также личных обстоятельств и дальнейшей судьбы их рассказчиков» [1, с. 7-8]. Вторая интерпретационная стратегия нашла свое отражение в статье Р. Роулэнда и сводится к выявлению синхронной либо хронологически ориентированных повествовательных структур, присутствующих в большинстве известных записей показаний [2, с. 164-165]. Здесь и далее под «нарративом» мы будем понимать опосредованные письмом истории, ранее, предположительно, бытовавшие в устной форме.

В качестве отправной точки для дальнейших рассуждений мы предлагаем остановиться на тезисе американского историка Х.П. Бродела о том, что понятие *maleficium* (злонамеренное колдовство) в «Молоте ведьм» является нарративной парадигмой, выражающей идентификацию ведьм на локальном уровне в повседневной жизни информаторов инквизиционного дознания. В рамках трактата авторы-доминиканцы возвели

эти объяснительные механизмы на уровень ученого дискурса, интегрировав их в более изоощренную теологическую концепцию мироздания [3, с. 6].

Другими словами, интересующий нас демонологический трактат, широко использующий прием включения пересказа показаний обвиняемых в злонамеренном колдовстве (*maleficia*), хорошо иллюстрирует идею семиотики о тексте как транслингвистическом устройстве, фиксирующем в своем пространстве посредством языка практики, которые не могут быть объяснены исключительно его логикой [4, с. 136].

В этом отношении нарратив, позволяющий вычлнить себя из общего корпуса текста (главным образом за счет идентификации с информаторами (свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми – словом, людьми, не участвовавшими в создании «Молота ведьм» напрямую), представляет собой обособленный семантический элемент, несущий смысловую нагрузку *argumentum pro*, доказательства правильности концепции трактата. Содержание подобного «примера» может быть искажено автором текста-реципиента, но сама структура повествования не может быть нивелирована полностью (иначе бы включаемое «растворилось» бы в другой структуре), а потому сохраняет определенный потенциал информативности. Таким образом, нас будут интересовать выявление идентичных по своей интриге нарративов, т.е. не столько буквальные текстовые совпадения с памятниками фольклора или иных жанров высокой словесности, сколько аналогичные ситуации, позволяющие реализовать логику развития сюжета.

Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку, как показали исследования Г. Кланицая, сопоставление структуры повествования обнаруживают разительное сходство типичной истории о колдовской порче с характерным для агиографии сюжетом о чудесном отмщении святыми за собственное поругание [5, с. 119-121]. Подобная стереотипность сюжета, в рамках которой обыгрываются одни и те же конфликтные ситуации с участием узнаваемых типажей, также характерна и для такого популярного жанра словесности Германии раннего Нового времени, как прозаический шванк [6, с. 52]. Стоит также подчеркнуть то обстоятельство, что «наша» история (как и *experientia*, «примеры из инквизиторского опыта» в целом) наследует сущностные черты *exemplum*, назидательного примера высокого Средневековья, который представлял собой, согласно А.Я. Гуревичу, предельно короткий рассказ с минимальным числом действующих лиц, несущий на себе колоссальную смысловую нагрузку [7, с. 302]. Все это, взятое вместе, побуждает нас к опыту структурного анализа близких нарративов, дошедших до нас посредством письменной фиксации в различных жанрах культуры Германии XV-XVI вв.¹, идею которого предложил в своё время А.Х. Горфункель [8, с. 166].

ЛИТЕРАТУРА

1. Rowlands A. Witchcraft narratives in Germany: Rothenburg, 1561 – 1652. Manchester and New York. 2003, 248 p.
2. Rowland R. “Fantasticall and Develishe Persons”: European Witch-beliefs in Comparative Perspective // Early Modern European Witchcraft: Centres and Peripheries. Oxford, 2001, pp.161-190.
3. Broedel H. P. The Malleus Maleficarum and the construction of witchcraft: Theology and popular belief. Manchester and New York, 2003. 210 p.
4. Кристева Ю. Σημειωτική. Исследования по семанализу // Ю. Кристева. Избранное: разрушение поэтики. М., 2004, С. 31-394.
5. Кланицай Г. Структура повествований о наказании и исцелении. Сопоставление чудес и *maleficia* // Одиссей. Человек в истории. 1998, С. 118-133.

¹ Идею перекрестного анализа темы любви в интерпретации демонологических трактатов, сборников *exempla* для проповедей и ренессансной новелистики в отечественной историографии предложил в свое время еще А.Х. Горфункель [8, с.166). В рамках нашей статьи мы с благодарностью возвращаемся к этой идее, однако позволим себе несколько уточнить наблюдаемую тематику.

6. Бахорский Г.Ю. Тема секса и пола в немецких шванках XVI века // Одиссей. Человек в истории. 1993. С. 50-69.
7. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников // А.Я. Гуревич. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб., 2006. С. 287-526.
8. Горфункель А.Х. «Молот ведьм» – средневековье или Возрождение? // Культура Возрождения и общество. М., 1986. С. 162-171.

REFERENCES

1. Rowlands A. Witchcraft narratives in Germany: Rothenburg, 1561 – 1652. Manchester and New York. 2003, 248 p.
2. Rowland R. “Fantasticall and Develishe Persons”:European Witch-beliefs in Comparative Perspective // Early Modern European Witchcraft: Centres and Peripheries. Oxford, 2001, pp.161-190.
3. Broedel H. P. The Malleus Maleficarum and the construction of witchcraft: Theology and popular belief. Manchester and New York, 2003. 210 p.
4. Kristeva Ju. Σημειωτική. Issledovanija po semanalizu [Σημειωτική. Research on semanaliz]. Ju. Kristeva. Izbrannoe: razrushenie pojetiki. Moscow, 2004. Pp. 31-394 (in Russian)
5. Klanicaj G. Struktura povestvovanij o nakazanii i iscelenii. Sopostavlenie chudes i maleficia [The Structure of Narratives on Misfortune and Healing. A Confrontation of of Miracles and Maleficia]. Odissej. Chelovek v istorii, 199, pp. 118-133. (in Russian)
6. Bachorski H.J. Tema seksa i pola v nemeckih schwankah XVI veka [The Theme of Sex and Gender in German Schwanks of the 16th century]. Odissej. Chelovek v istorii, 1993, pp. 50-69. (in Russian)
7. Gurevich A.Ya. Kul'tura i obshhestvo srednevekovoj Evropy glazami sovremennikov [Culture and Society Medieval Europe eyes of contemporaries]. A.Ja. Gurevich. Izbrannye trudy. Kul'tura srednevekovoj Evropy. St.Petersburg, 2006, pp. 287-526. (in Russian)
8. Gorfunkel' A. H. «Molot ved'm» — srednevekov'e ili Vozrozhdenie? [“Hammer of witches” — the middle ages or Renaissance?]. Kul'tura Vozrozhdenija i obshhestvo. Moscow, Nauka.1986. pp. 162-171. (in Russian)

© Бакус Г.В., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакус Григорий Владимирович – старший научный сотрудник АНО НИЦП «Тверьком», Тверь, Российская Федерация; e-mail: bakusgrig@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Bakus Grigoriy Vladimirovich – senior researcher of ANO NICP “Tvercom”, Tver, Russian Federation; e-mail: bakusgrig@mail.ru